

ПЕРЕХОД ОТ КОНФЛИКТА К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ГИБРИДНОЙ АВТОКРАТИИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Ю. Б. Бочаров

Институт исследования информационных войн (Израиль)

Поступила в редакцию 26 июня 2025 г.

Аннотация: исследуется экономическая трансформация Ближнего Востока в 2020-х гг. как инструмент укрепления гибридных автократий, а не как переход к демократии. На примере Саудовской Аравии, Ливана и Сирии показано, что реформы в сфере торговли, цифровизации и инвестиций направлены не на политическую либерализацию, а на адаптацию режимов к внутренним кризисам и внешнему давлению. Особое внимание уделяется роли внешних акторов – США, МВФ, Саудовской Аравии и Турции – в формировании стратегии геоэкономического управления. Запад, разочаровавшийся в эффективности демократизации в арабском мире, всё чаще поддерживает авторитарные, но стабильные режимы в обмен на экономическое сотрудничество и безопасность. Используемая теоретическая рамка – концепция постлиберальной гибридной автократии, сочетающей цифровой контроль, управляемую открытость, символическую интеграцию и отказ от политической конкуренции. Экономика в этом контексте выполняет функцию не модернизации политической системы, а реструктуризации лояльности и укрепления вертикали власти. Ближний Восток предстает не как регион исключений, а как модель глобальной адаптации авторитаризма к вызовам XXI в.

Ключевые слова: Ближний Восток, гибридная автократия, цифровой контроль, торговля и власть, постконфликтная трансформация, экономическая модернизация, геоэкономика, внешнее давление, авторитарная стабильность, политическая адаптация.

Abstract: this article analyzes the economic transformation of the Middle East in the 2020s as a tool for consolidating hybrid autocracies, rather than transitioning toward democracy. Using the cases of Saudi Arabia, Lebanon, and Syria, it demonstrates that reforms in trade, digitization, and investment serve as mechanisms of regime adaptation under internal crisis and external pressure. Particular attention is given to the role of external actors – the United States, IMF, Saudi Arabia, and Turkey – in shaping strategies of geo-economic management. The West, disillusioned with the results of democratization in the Arab world, increasingly supports authoritarian but stable regimes in exchange for economic cooperation and regional security. The theoretical framework employed is the concept of post-liberal hybrid autocracy, which combines digital control, managed openness, symbolic integration, and the rejection of political competition. In this context, the economy does not liberalize the political system, but restructures loyalty and reinforces vertical authority. The Middle East is thus not an exception, but rather a prototype of global authoritarian adaptation in the 21st century.

Key words: Middle East, hybrid autocracy, digital control, trade and power, post-conflict transformation, economic modernization, geoeconomics, external pressure, authoritarian stability, political adaptation.

Начало 2020-х гг. ознаменовалось радикальной переоценкой стратегических приоритетов на Ближнем Востоке. Внутриарабские конфликты, долгая зависимость от идеологических антагонизмов и структурная фрагментация региона уступают место прагматизму, где на первый план выходит экономика, торговля и технологическое развитие. Эта смена ориентиров была вызвана не только накоплением внутренних кризисов, но и рядом ключевых событий, переломивших прежнюю региональную логику.

К числу факторов, повлиявших на изменение стратегических ориентиров в регионе, относятся затухание вооруженного противостояния на юге Ливана и частичная дэскалация шиитско-суннитского конфликта; трансформация политической структуры в Сирии, сопровождающаяся переосмыслением курса на восстановление; а также институциональные изменения в Ливане, приведшие к появлению нового политического руководства, ориентированного на внешнеэкономическое взаимодействие и управляемую модернизацию. Одновременно усилилось внешнеполитическое и санкционное давление на Иран, что в совокупности с внутренними вызовами в странах

Персидского залива способствовало корректировке региональных приоритетов. Эти государства, особенно Саудовская Аравия и ОАЭ [1; 2], продемонстрировали явную усталость от затяжного конфликта с хуситами и нестабильного взаимодействия с Ираном, что привело к переосмыслению внешней политики в сторону экономической консолидации и технологического развития.

Вместе эти процессы привели к значимому идеологическому сдвигу – как внутри арабского мира, так и в его отношениях с Западом. Как отмечает Глухова, в условиях нового авторитаризма региона доминируют прагматические формы легитимности [3]. Вместо прежней парадигмы «сопротивления» и политико-религиозной мобилизации в региональной повестке стали доминировать темы цифровизации, международных инвестиций, инфраструктурного развития и восстановления после конфликтов. Однако интерпретировать происходящее как путь к демократизации было бы не просто преждевременно, а методологически ошибочно. Практически все преобразования, наблюдаемые сегодня в странах Ближнего Востока, направлены в первую очередь на укрепление действующих режимов. В Саудовской Аравии, Сирии, Ливане и других государствах региона Анализ Института востоковедения РАН подтверждает, что экономическая трансформация служит прежде всего интересам режима [4], экономические и институциональные изменения реализуются не для расширения политического участия, а для усиления вертикали власти, повышения управляемости и минимизации рисков дестабилизации.

Настоящая статья предлагает рассматривать «переход к экономике» не как отступление от авторитарного пути, а как один из ключевых инструментов его укрепления. Экономическая либерализация, инвестиции в цифровые технологии и участие в глобальных экономических форумах [5–8] – всё это становится частью новой стратегии гибридных автократий по обеспечению устойчивости и управляемости в условиях глобальных вызовов. В отличие от классических авторитарных режимов XX в., современная ближневосточная автократия не отвергает модернизацию, а приспособливает ее к собственным нуждам: расширяет цифровой контроль, формирует новые формы политического участия (через поведенческую лояльность), символически интегрируется в глобальные экономические сети, не меняя при этом фундаментальных принципов власти.

Цель данной статьи – исследовать, каким образом экономическая трансформация используется в странах Ближнего Востока как инструмент гибридной автократии [9–12], а не как альтернатива ей. На основе кейсов Саудовской Аравии, Ливана и Сирии анализируется, как торговля, инвестиции и техно-

логическое развитие становятся не средством политической либерализации, а механизмом управления, перераспределения и укрепления лояльности. В качестве теоретической рамки используется концепция постлиберальной гибридной автократии, разрабатываемая автором в рамках текущего исследовательского проекта, в которой Ближний Восток рассматривается не как исключение из универсальной модели демократизации, а как один из возможных сценариев эволюции политического порядка в XXI в.

I. Теоретические основания: от модернизации к постлиберальной автократии

В течение нескольких десятилетий исследования политической трансформации Ближнего Востока находились под влиянием универсалистских подходов, таких как теория модернизации, транзитологические модели и либеральная парадигма демократизации. Предполагалось, что развитие инфраструктуры, экономическая либерализация и расширение доступа к глобальным рынкам неизбежно ведут к политическому плюрализму, формированию гражданского общества и электоральной конкуренции. Однако эмпирические данные начала XXI в. – особенно на примере арабского мира показали ограниченность этих объяснительных рамок.

Опыт Ближнего Востока демонстрирует, что экономическая модернизация может сосуществовать с устойчивыми формами авторитарного правления, а институциональные реформы не только не ослабляют, но и усиливают контроль. Более того, в условиях глобальных вызовов – пандемии, миграционного давления, климатических кризисов и военных угроз – общества (не только на Ближнем Востоке) всё чаще отдают предпочтение стабильности, безопасности и управляемости в ущерб демократическому участию. Это требует переосмысления самой логики политической легитимности в XXI в.

В рамках данного анализа используется концепция постлиберальной гибридной автократии – политического режима, сочетающего:

- жесткий контроль над политической конкуренцией с элементами функциональной модернизации (инвестиции, цифровизация, реформы);
- патерналистскую форму легитимности, основанную на контракте «лояльность в обмен на защиту и блага»;
- цифровой институционализм – замену репрессивного контроля цифровыми инструментами мониторинга, управления поведением и моделирования общественного мнения;
- символическую интеграцию в глобальные рынки и дискурсы развития без реальной трансформации политической архитектуры.

Эта модель отрицает бинарную оппозицию «авторитаризм/демократия» и предлагает анализировать политические режимы как адаптивные конфигурации, где эффективность и устойчивость выходят на первый план, а демократические процедуры и институты становятся опциональными и символическими. В таких системах торговля, инвестиции и цифровизация перестают быть факторами демократизации, превращаясь в инструменты управления, стабилизации и репродукции власти.

Ближневосточный регион в этом контексте оказывается не отстающим, а, напротив, прототипным пространством: здесь наиболее последовательно реализуются ключевые элементы новой авторитарной парадигмы. Режимы стран Залива, реформирующееся руководство Ливана и новая администрация Сирии демонстрируют, как гибридная автократия способна поглощать модернизационные импульсы, не уступая контроль, а трансформируя его под новые условия.

II. Экономическая модернизация стран Залива: контроль под маской реформ

Саудовская Аравия представляет наиболее показательный пример того, как «витрина» масштабных экономических преобразований (программа Vision 2030) служит прежде всего инструментом внутренней централизации. По данным Всемирного банка, доля нефтегазового сектора в ВВП королевства выросла с 46 % в 2016 г. до 58 % в 2024 г., однако параллельно усилилась концентрация контрактов в руках крупных квазигосударственных фондов, контролируемых наследным принцем [13]. Исследования Института востоковедения РАН указывают, что вместо расширения предпринимательских свобод правительство вводит новые регуляторные барьеры, закрепляя статус государственных корпораций в качестве «прокси» для режима [4]. Более того, сравнительный анализ Trager демонстрирует, что рост объемов иностранных инвестиций сопровождается ужесточением законов о кибербезопасности и усилением цифрового надзора, что превращает модернизацию в технологию наблюдения, а не либерализации [10].

Государства Персидского залива давно рассматривались как устойчивые автократии, опирающиеся на нефтяную ренту, патронажные сети и консервативную социальную модель. Однако в последние два десятилетия, особенно после запуска программ Vision 2030 в Саудовской Аравии и аналогичных стратегий в ОАЭ и Катар, в региональной политике всё большую роль стали играть дискурсы модернизации, технологического лидерства и глобальной интеграции. Эти процессы нередко трактуются как проявление «прогресса» и «реформ», однако с точки зрения гибридной автократии они выполняют иную функ-

цию: не трансформации, а реструктуризации контроля.

Программы реформ провозглашают цели диверсификации экономики [1; 8; 13], снижения зависимости от нефти, развития частного сектора, инновационных индустрий, туризма и логистики. Однако их реализация жестко централизована, управляется сверху и направлена на укрепление личной власти — прежде всего наследных принцев и правящих династий. В Саудовской Аравии фигура Мухаммеда бин Салмана стала символом «нового курса», сочетающего инвестиционную открытость с беспрецедентной концентрацией власти, репрессиями против конкурентов и контролем над религиозными институтами.

Ключевую роль в новой стратегии играет цифровизация управления [7; 13; 14] — развитие дата-центров, систем социального мониторинга, электронных госуслуг и «умных городов» (NEOM и др.). Это позволяет эффективно управлять населением без расширения политических свобод, усиливая поведенческий контроль и ограничивая пространства для оппозиционной мобилизации. Граждане втягиваются в новые формы лояльности — через участие в «национальных проектах», доступ к госуслугам, престижным рабочим местам и символическое включение в глобальный технологический дискурс.

Одновременно с этим государства Залива всё активнее используют внешнеэкономические связи как ресурс легитимации. Заключение многомиллиардных сделок с западными технологическими корпорациями, участие в форумах наподобие Давоса, запуск совместных инвестиционных фондов с США и Китаем не только обеспечивают приток капитала, но и формируют образ «открытой», прогрессивной державы — без необходимости открывать реальное политическое участие.

Таким образом, в странах Залива экономическая трансформация и технологическое развитие представляют собой не шаг к демократии, а рациональную стратегию укрепления гибридной автократии. Здесь мы наблюдаем архетип нового политического порядка: постлиберального, цифрового, глобализированного — и при этом глубоко централизованного и вертикального.

Президент Жозеф Аун и ливанская дилемма: реформы как инструмент контроля элит

Назначение Жозефа Ауна президентом Ливана [12; 15; 16] стало символом новой посткризисной конфигурации власти. Генерал, ранее возглавлявший вооруженные силы страны, имеет не только прочную базу влияния в секторе безопасности, но и значительный капитал доверия со стороны международных партнеров, прежде всего США. Получив образование в американских военных учреждениях и наладив

тесные связи с Пентагоном, Аун представляет фигуру, способную одновременно гарантировать безопасность, контролировать вооруженные группы и вести переговоры с внешними донорами.

Однако именно в этой двойственной роли проявляется главный структурный парадокс ливанского режима: с одной стороны, стабильность требует реформ в обмен на помощь от МВФ, ЕС и стран Залива; с другой – реформы угрожают интересам старых элит, контролирующих ключевые финансовые и клиентелистские сети. Аун как президент не может опираться на полноценные партийные механизмы, но имеет под контролем военную вертикаль и способен подавлять попытки дестабилизации, однако его действия ограничены необходимостью соблюдения формальных процедур и баланса между конфессиональными группами.

В этом контексте реформы становятся не либеральной инициативой, а инструментом геополитического давления и внутренней централизации власти. Жесткая вертикаль становится почти единственным способом преодолеть саботаж со стороны традиционных кланов, банковской элиты и фрагментированных политических блоков. Без прочного силового ресурса проведение даже базовых экономических изменений, таких как банковская прозрачность, антикоррупционное законодательство или реструктуризация долга, невозможно.

Особенность ливанского случая в том, что угроза массовых протестов исходит не столько от народа, сколько от элитных группировок, способных мобилизовать население через конфессиональные или социальные каналы. Реформы здесь подрывают не общественный консенсус, а распределенную систему власти, в которой контроль над ресурсами и территориями сохраняют старые центры влияния. Именно поэтому фигура военного лидера, связанного с внешними донорами и контролирующего силовой аппарат, представляется на данный момент оптимальной для реализации умеренной, но направленной на централизацию экономической трансформации.

***Ахмад аш-Шараа: от полевого командира
к символу постконфликтного авторитарного
прагматизма***

История восхождения Ахмада аш-Шараа [2; 13] – это не просто сюжет о смене власти в Сирии, но отражение глубинных трансформаций самого понятия легитимности на Ближнем Востоке. Бывший полевой командир, связанный с радикальными исламистскими группировками в период гражданской войны и прошедший через американскую тюрьму в Эрбиле, аш-Шараа сумел переформатировать свой имидж с военного «джихадиста» на государственного деятеля в костюме-тройке, способного подписывать инвести-

ционные меморандумы и выступать в Давосе. Этот резкий образный разворот не проявление личной трансформации, а стратегическая адаптация к новым условиям сохранения власти.

Изначально опираясь на боевые структуры и неформальные союзы, в том числе с Турцией, аш-Шараа получил поддержку Анкары в обмен на обещание ограничить курдскую автономию и перекроить политическую архитектуру страны в интересах турецкой безопасности. Однако довольно быстро стало ясно: военная победа не равна устойчивости. Сирия находилась в состоянии экономической катастрофы, без элементарных ресурсов на восстановление инфраструктуры и выплату зарплат даже собственным сторонникам. Массовая усталость населения, социальная дезорганизация и разрушенная экономика вынудили нового лидера отказаться от логики чисто военного управления.

Осознание того, что без внешнего признания и финансовых вливаний власть удержать невозможно, привело к ряду символических и практических шагов. Уже в первые месяцы после прихода к власти аш-Шараа публично отказался от военной формы и начал активную кампанию по «гражданскому ребрендингу» режима. В отличие от типичных африканских переворотов, где лидеры остаются в военной униформе и опираются на страх, он выбрал путь прагматичного политического игрока, ориентируясь на поддержку извне – прежде всего со стороны Саудовской Аравии, США и стран Залива. Эта поддержка базировалась не на ценностях демократии, а на геополитической полезности: аш-Шараа рассматривался как антииранская сила, которую можно использовать для ослабления шиитского пояса влияния в регионе.

Однако за внешним образом реформатора скрывается та же логика: укрепление персоналистской власти, а не переход к политическому плюрализму. Его заявление о намерении «написать новую всенародную конституцию» сменилось на формулировку о необходимости «пяти лет стабилизации до начала политического реформирования». Это укладывается в известный сценарий «отложенной демократии», когда после декларации реформ лидеры утверждают, что сначала необходим период «стабилизации», а уже потом – политическое переустройство. Как указывал Гильермо О’Доннелл, такие системы ближе к форме делегативной демократии, при которой избранный лидер фактически сосредотачивает власть и действует без институциональной подотчетности [17].

Сегодня подобная стратегия характерна для многих лидеров, пришедших к власти военным путем или в результате элитного консенсуса: они используют риторику реформ для получения международной легитимности, однако на практике консервируют автократические механизмы и создают модель кон-

тролируемой трансформации. Это явление отмечается не только в арабских странах, но и в постсоветском пространстве, в Африке и Латинской Америке [18; 19].

Добавим к этому и структурные препятствия: сложившийся в годы изоляции полуофициальный теневой сектор – контрабанда, наркоторговля, серые транзитные схемы – стал основой доходов для многих локальных элит, привыкших к жизни в режиме санкций. Эти группы враждебны реформам, так как легализация экономики лишит их влияния и доходов. Без подавления этих структур или их интеграции в новый порядок реальная трансформация невозможна. Отсюда ставка аш-Шараа на публичные внешнеполитические жесты (визиты, рукопожатия, инвестиционные форумы), которые дают ему шанс укрепить народную поддержку в борьбе с внутренними элитами под предлогом «модернизации страны».

Именно в этом контексте стоит понимать и его заигрывания с Западом, и осторожный флирт с Саудовской Аравией, и упор на цифровые технологии, приватизацию и глобальные бренды: это не вектор на демократию, а инструмент перезагрузки власти под лозунгами восстановления. Как на Востоке говорят о затягивании сложных обещаний: «за пять лет либо шах умрет, либо ишак научится говорить». В случае аш-Шараа это означает: либо он успеет консолидировать режим под новым фасадом, либо потеряет власть под давлением неуправляемых элит и уставшего населения.

III. Геоэкономическое давление: внешние акторы как стабилизаторы постлиберальной автократии

С начала 2020-х гг. стало очевидно, что Запад – и особенно США – перестал рассматривать демократизацию как приоритет [9; 12; 20] в политике в отношении Ближнего Востока и Северной Африки. Крах «арабской весны», реставрация авторитарных режимов и провал попыток институционального строительства в Ливии, Египте, Тунисе и Сирии убедили западные державы в том, что вложения в демократию не приносят ни политических дивидендов, ни экономической отдачи. На смену идеологическим ориентирам пришел прагматизм: западные акторы, в первую очередь США, всё чаще стремятся получить экономические и стратегические преференции, даже если это предполагает сотрудничество с авторитарными режимами.

Особое значение здесь приобрела политика администрации Дональда Трампа, при которой Ближний Восток стал рассматриваться исключительно через призму выгоды: оружейные контракты, доступ к энергетическим рынкам, контроль над транспортными коридорами, технологическое партнерство. При

Трампе наблюдался резкий поворот в сторону поддержки «стабильных» режимов вне зависимости от их политического устройства, если они способны обеспечить экономическую открытость и геополитическое подчинение. Именно в этот период Запад начал априори отказываться от идеалов демократии в пользу экономики – а вместе с ней и в пользу сотрудничества с гибридными автократиями, рассматривая их как более надежных и управляемых партнеров.

США и МВФ: условные реформы как форма контролируемой централизации

Вашингтон и международные финансовые институты продолжают выступать основными источниками внешнего финансирования и стратегического давления, особенно в Ливане и Сирии. Как отмечается в ряде аналитических обзоров и докладов [13; 16; 21], их подход носит всё более прагматичный и инструментальный характер: вместо требований демократизации акцент делается на конкретные управленческие и антикоррупционные шаги, направленные на повышение фискальной прозрачности, реструктуризацию госдолга и реформу банковского сектора. Эти меры, по сути, укрепляют власть центральных институтов, позволяя им нейтрализовать старые клиентеллистские сети.

При этом условность реформ открывает пространство для маневра: новые лидеры (например, Салам и Аун в Ливане или аш-Шараа в Сирии) могут использовать переговоры с МВФ как политический ресурс для вытеснения конкурирующих элит, подавления оппозиции и легитимации собственной власти перед внешними донорами – без реального расширения политического участия.

Саудовская Аравия и ОАЭ: экспорт авторитарной модернизации

Страны Залива всё активнее выступают как региональные гарантии стабильности, предлагая не только финансовую помощь, но и институциональные модели – от цифровизации управления до «экономики без оппозиции». Как показывают современные исследования по ближневосточной политике [1; 2], Саудовская Аравия и ОАЭ встраивают свою стратегию влияния в формат «эффективного авторитаризма», в котором легитимность основывается не на выборах или свободе слова, а на результативности, безопасности и лояльности. В Сирии, Ливане и даже Палестине они выступают как посредники, инвесторы и стратегические архитекторы «нового порядка».

Поддержка со стороны СА в случае Сирии имеет двойной характер: с одной стороны, геополитический расчет на нейтрализацию иранского влияния; с другой – интерес к переформатированию постконфликтной Сирии в управляемую рентную экономику с

четкой вертикалью власти, способную гарантировать стабильность и открытость для региональных инвестиций. Такие же цели прослеживаются в отношении Ливана, где саудовские дипломаты фактически участвуют в формировании политических условий предоставления международной помощи.

Турция: тактический актор с узкой повесткой

Роль Турции более ситуативна, но стратегически значима. Как отмечается в ряде региональных исследований и сравнительных обзоров [8; 12], Анкара традиционно использует прагматичный подход к ближневосточной политике, стремясь обеспечить зону влияния без системной институциональной трансформации. В настоящее время, в случае с Сирией, Турция выступает одновременно как гарант безопасности на северных границах и как посредник в переформатировании власти после ухода Асада. Поддержка аш-Шараа со стороны Турции была обусловлена взаимной выгодой: нейтрализация курдского фактора и сдерживание иранского влияния. Однако турецкая модель интересовалась не построением институтов, а созданием лояльной зоны влияния – тем самым усиливая логику управляемого авторитарного транзита, а не политического плюрализма.

Таким образом, внешние акторы не противопоставляют себя гибридным автократиям, а становятся их активными участниками и спонсорами. Вместо продвижения демократических стандартов они конструируют систему управляемого переформатирования, в которой экономические стимулы, контроль над финансами и международное признание используются для укрепления централизации власти, нейтрализации элитных противников и создания видимости реформ. Это превращает Ближний Восток в площадку не демократического транзита, а геоэкономического инжиниринга устойчивых авторитарных порядков.

Таким образом, рассмотренные примеры показывают, что Ближний Восток вступил в новую фазу политико-экономической эволюции, где традиционные конфликты, идеологические разломы и внешняя изоляция сменяются моделями управляемой открытости и функционального авторитаризма. Однако за фасадом экономической трансформации, инвестиционных форумов и цифровых реформ скрывается не движение к демократизации, а реструктуризация власти в логике постлиберальной гибридной автократии.

Торговля, инвестиции, приватизация и цифровизация становятся не средствами политического освоения, а инструментами селективного модернизационного контроля, позволяющими правящим режимам не только укреплять вертикаль власти, но и получать международную легитимацию. В этой системе эффективность важнее участия, лояльность важнее представительства, а макроэкономическая

стабильность важнее электоральной легитимности. Ближний Восток в этом контексте – не исключение из глобального тренда, а его острейшая и наиболее явная форма.

Фигуры вроде Мухаммада бин Салмана, Жозефа Ауна или Ахмада аш-Шараа [2; 13] демонстрируют новые стратегии автократической адаптации: от цифрового институционализма до прагматического переформатирования внешнеполитических союзов. Их политический расчет основан не на построении демократических институтов, а на конвертации внешней поддержки в механизм внутреннего укрепления. При этом Запад, разочаровавшийся в идее экспортируемой демократии, сам стал участником этой трансформации, поддерживая стабильные, контролируемые и управляемые, пусть и авторитарные, режимы.

Таким образом, происходящий «переход от конфликта к экономике» следует интерпретировать не как разворот от авторитаризма, а как его новую стадию. Постконфликтная стабилизация, цифровая трансформация, экономическая открытость и геоэкономическое партнерство – всё это вписывается в парадигму гибридной автократии XXI в. Как подчеркивает Йом, авторитарные государства региона адаптируются через институциональные стратегии выживания, а не через демократизацию [22], в которой Ближний Восток становится не объектом реформ, а полигоном для апробации нового глобального политического порядка.

Как показывает практика, появление гибридной автократии наблюдается не только на Ближнем Востоке, но и в ряде стран Африки, Азии и на постсоветском пространстве. При этом такие режимы зачастую не вызывают серьезного общественного отторжения, поскольку, хотя и не претендуют на подлинную демократию, они ориентированы на решение насущных потребностей граждан, обеспечивая базовую стабильность, развитие инфраструктуры и социальную поддержку. В условиях ограниченных ресурсов и институциональной хрупкости это воспринимается как приемлемая и даже желательная форма правления, в которой власть, пусть и авторитарная, демонстрирует заинтересованность в нуждах народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрунов С. Д. По ту сторону глобального кризиса : ноономика, креативность, геополитэкономика / С. Д. Бодрунов, Р. Десаи, А. Фриман. – М. : ИНИР им. С. Ю. Витте, 2022.
2. Weber M. Economy and Society : An Outline of Interpretive Sociology / M. Weber. – Berkeley : University of California Press, 1978.
3. Глухова А. В. Новый авторитаризм в XXI веке : мировые тенденции и российский кейс / А. В. Глухова // Восток Европы. – 2019. – Т. 5, № 1.

4. Ближний Восток : политика и идентичность / под ред. И. Д. Звягельской. – М. : Аспект Пресс, 2022.
5. *Levitsky S.* Конкурентный авторитаризм : гибридные режимы после холодной войны / S. Levitsky, L. A. Way. – Кембридж : Издательство Кембриджского университета, 2010.
6. *Lynch M.* The Arab Uprising : The Unfinished Revolutions of the New Middle East / M. Lynch. – New York : PublicAffairs, 2014.
7. *Sadiki L.* Rethinking Arab Democratization : Elections Without Democracy / L. Sadiki. – Oxford : Oxford University Press, 2015.
8. *Trager E.* The Global Authoritarianism : Gulf Monarchies' Strategy to Control the Middle East / E. Trager. – Washington, D.C. : The Washington Institute for Near East Policy, 2020.
9. *Albrecht H.* Waiting for Godot : Regime Change Without Democratization in the Middle East / H. Albrecht, O. Schlumberger // International Political Science Review. – 2004. – Vol. 25, No. 4.
10. *Diamond L.* Thinking About Hybrid Regimes / L. Diamond // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13, No. 2.
11. *Heydemann S.* Upgrading Authoritarianism in the Arab World / S. Heydemann. – Washington, D. C. : Brookings Institution, 2007. – (Analysis Paper. No. 13).
12. *Salamé G.* Democracy Without Democrats? The Renewal of Politics in the Muslim World / G. Salamé. – London : I. B. Tauris, 1994.
13. *Wintour P.* Syria's Post-War Gamble : Reforms for Survival / P. Wintour // The Guardian. – 2023. – January 17.
14. *Perthes V.* The Political Economy of Reform in the Arab World / V. Perthes // Mediterranean Politics. – 2011. – Vol. 16, No. 1.
15. *Беллин Е.* Устойчивость авторитаризма на Ближнем Востоке : исключительность в сравнительной перспективе / Е. Беллин // Сравнительная политика. – 2004. – Т. 36, № 2.
16. Всемирный банк. Восстановление экономик региона MENA : от восстановления к устойчивости. – Вашингтон : Всемирный банк, 2022.
17. *O'Donnell G.* Delegative Democracy / G. O'Donnell // Journal of Democracy. – 1994. – Vol. 5, No. 1.
18. *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13, No. 1.
19. *Levitsky S.* The New Competitive Authoritarianism / S. Levitsky, L. A. Way // Journal of Democracy. – 2020. – Vol. 31, No. 1.
20. Европа в глобальной пересборке / под ред. А. А. Громыко. – М. : Институт Европы РАН, 2023.
21. Россия и мир : 2025. Аналитический прогноз. – М. : ИМЭМО РАН, 2024.
22. *Yom S. L.* Authoritarian State-Building in the Middle East : From Durability to Crisis / S. L. Yom // Middle East Law and Governance. – 2015. – Vol. 7, No. 1

Институт исследования информационных войн (Израиль)

Бочаров Ю. Б., кандидат политических наук, политтехнолог, консультант Института Ближнего Востока, эксперт Глобальной сети фактчекинга (GFCN)

E-mail: yurabig@gmail.com

*Institute for the Study of Information Warfare (Israel)
Bocharov Yu. B., Candidate of Political Sciences,
Political Technologist, Consultant of the Institute of the
Middle East, Expert of the Global Fact-Checking Network
(GFCN)*

E-mail: yurabig@gmail.com